

А.И. Луговский, доцент кафедры белорусской литературы УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат педагогических наук

ИЗУЧЕНИЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПО «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Материал настоящей статьи может быть использован при изучении вопросов теории литературы на факультативных занятиях, при повторении пройденного материала за курс общеобразовательного учреждения, при подготовке абитуриентов ко вступительному экзамену по литературе и непосредственно на уроках при анализе самого романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Роман «Евгений Онегин» в сознании учащихся старших классов, как правило, ассоциируется с понятиями «роман в стихах» и «онегинская строфа», но далеко не каждый старшеклассник и даже студент первого курса филологических факультетов имеют четкое представление о названных понятиях.

Именно с толкования этих понятий и следует начать разговор о «пушкинской теории литературы». В эпоху А.С. Пушкина, равно как и в наши дни, под романом понимали большое эпическое произведение, широко охватывающее существенные жизненные явления определенной социальной среды, раскрывающее в развитии многочисленные характеры, имеющее несколько сюжетных линий без ограничений в пространстве и времени. Все это есть в «Евгении Онегине». Сам же А.С. Пушкин, хотя иногда и называл свое произведение поэмой, видел в нем нечто гораздо большее, чем просто роман или поэму. В Письме к П.А. Вяземскому 4 ноября 1823 г. он восклицал: «Что касается моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница!» [3, 13, с. 73]. В современном литературоведении основными отличительными чертами романа в стихах принято считать наличие в нем лирического начала и образа лирического героя.

Онегинская строфа, состоящая из трех четверостиший и заключительного двестишия (заклю), – явление в литературоведении уникальное своим ритмом и рифмовкой и может быть использована как образец при изучении (повторении) нескольких литературоведческих тем (ритм, рифма, стихосложение, поэзия).

В ней по необычно сложной схеме (абабввггдееджж) чередуются по две женских и две мужских рифмы, в шести последних стихах – две женские и четыре мужские рифмы. Мелодичность произведения достигается не только рифмой как таковой, но и дополнительными приемами. В каждой отдельной строке, например, написанной в едином ключе с остальными четырехстопным ямбом, вторая и четвертая стопа выполняют функцию основных ударных: «*Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей ...*» [3, 6, с. 75]; «*В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе*» [3, 6, с. 97]. Для усиления рифмы на конце строки нередко используются слова-омонимы: «*... И не заботился о том, / Какой у дочки тайный том*» [3, 6, с. 44]; «*Защитник вольности и прав / В сем случае совсем не прав*» [3, 6, с. 15]. Несмотря на некоторые ограниченные

возможности ямба А.С. Пушкин создает богатые и глубокие рифмы: «...По имени Владимир Ленской, / С душою прямо геттингенской...» [3, 6, с. 33]; «Пчела за данью полевой / Летит из кельи восковой» [3, 6, с. 71]; «Он знак подаст – и все хлопочут; <...> Он засмеется – все хохочут» [3, 6, с. 105]. Вместе с тем поэт стремится избегать банальной рифмы и, как бы шутя, предупреждает об этом читателя: «И вот уже трещат морозы / И серебрятся среди полей... / (Читатель ждет уж рифмы розы; / На вот возьми ее скорей!)» [3, 6, с. 90].

Внимательное прочтение романа позволяет расширить представления учащихся о роли в художественном произведении изобразительных средств языка, в том числе и использования специфической лексики. Роман «Евгений Онегин», особенно первая глава, обращает на себя внимание чрезвычайной насыщенностью заимствованными словами, варваризмами. А.С. Пушкин, известный как блюститель чистоты языка, буквально окружил своего главного героя несвойственными русской речи иноязычными словами, в результате чего язык произведения в отдельных местах приобретает макаронический характер. Обычно автор обращается к макаронической речи с целью создания комической ситуации, обозначения национального происхождения, социального положения, политической ориентации литературного героя. У А.С. Пушкина иная цель. Он не выделяет какой-либо один язык или страну, а предлагает читателю набор лексических единиц из романо-германских языков. Здесь подчеркнуто употребляются французские слова *Madame, Monsieur, entrechat*, английские – *dandi, Child-Harold, beef-steaks*, итальянское – *far niente*, немецкое *wasistdas*, а также приобретшие кириллическое написание, но не ставшие для поэта русскими: сплин, брегет, лорнет, балет, бостон, педант, франт и т.д. Чтобы заострить внимание на органической несовместимости в пушкинском понимании некоторых заимствованных слов с подлинно русской речью автор романа намеренно их выделяет в тексте, говорит современным языком, курсивом (*продукт, боливар, машинально, картель, идеал*). Кроме этого, многие слова-варваризмы преднамеренно ставятся в конце строки и рифмуются (*актрис – кулис, боливар – бульвар, театру – Клеопатру, дам – эпиграмм*), что делает их более запоминающимися. Наконец, в шутливой форме, но вполне осознанно А.С. Пушкин открыто высказывает свое, авторское неприятие модных иностранных слов:

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б, это было смело,
Описывать мое же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет [3, 6, с. 15–16].

Однако главное в данном случае не сам язык. Насыщение характеристики главного героя иностранными словами – это тонкий творческий прием, примененный поэтом для отрицания светской культуры, сформировавшей характер Онегина, но не имеющей ни русского, ни какого-либо другого национального основания. «Иноземность этой культуры, – заметил Г.А. Гуковский, – это не столько импортированность ее, сколько вненародность» [2, с. 149]. А.С. Пушкин не был противником иноязычных слов вообще, он яростно сопротивлялся словесной вычурности, навязанной великосветской модой. По ходу сюжета слово *идеал* он называет модным, но в конце произведения по отношению к Татьяне пишет его с прописной буквы: «*А та, с которой образован / Татьяны милый Идеал*» [3, 6, с. 190]. В романе исконно русские слова гармонически сочетаются с заимствованными: «*Приходит муж. Он прерывает / сей неприятный tête-à-tête*» [3, 3, с. 175]. Особенно показательным в этом отношении является эпиграф-каламбур ко второй главе, состоящий из двузвучных омонимов:

О rus!

Hor/

О Русь! [3, 6, с. 31]

Восклицание «О rus!», взятое из сатиры римского поэта Горация, всего лишь случайно созвучно с русским словом и буквально означает «О деревня!». Тем не менее таланту А.С. Пушкина не помешало провести глубокую мысль: настоящей Руси именно и свойственна деревенская патриархальность. Теперь становится еще более понятным убеждение В.Виноградова в том, что «в национально-бытовом просторечии, не зараженном «французской болезнью», и в простонародном языке <...> Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка» [1, с. 497].

При изучении вопросов по теории литературы перед учителем стоит задача не только дать определение того или иного понятия и проиллюстрировать его конкретными примерами из литературных произведений, но и объяснить учащимся его функцию в художественном тексте.

В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин проявил себя также как мастер художественной детали. Возьмем, к примеру, интерьер – кабинет главного героя. Здесь нет натуралистических описаний в несколько строф: по всему роману как бы разбросаны мелкие замечания о вещах, которые окружают Евгения и в каждом случае помогают читателю открыть для себя некоторые черты характера их владельца: *гребенки, пилочки стальные; прямые ножницы, кривые; пол дубовый; кровать, покрытая ковром; лаковые доски* и т.д. Но вот появляется деталь-эпитет – *траурная* в сочетании со словом *тафта*, которой Онегин задернул пыльную книжную полку, и сразу становится понятен не только смысл его рассуждений о содержании этих книг, в которых «*устарела старина и старым бредит новизна*», но и раскрывается внутренний мир того, кто «к жизни вовсе охладел».

Другой пример – портрет. А.С. Пушкин не дает развернутых внешних портретных характеристик, а ограничивается отдельными штрихами, сосредотачивая внимание читателя на внутреннем мире героев. Создавая портрет

Ольги, поэт поначалу как бы и желает показать его в полном объеме: *скромна, послушна, весела, простодушна, мила, глаза голубые, локоны льняные, легкий стан*. Через мгновение строка обрывается, и А.С. Пушкин отказывается от дальнейшей портретной характеристики Ольги, подчеркнув этим обрывом бедность внутреннего мира героини. Младшая из сестер Лариных мила своей внешностью, старшая, Татьяна, – духовностью.

А.С. Пушкин для характеристики своих героев широко использует эпитеты, почти всегда имеющие эмоциональную окраску. Наиболее часто в романе встречается эпитет *милый*, в который всякий раз вкладывается новый оттенок. Когда А.С. Пушкин называет главную героиню милой, следует иметь в виду, что она *дика, печальна, молчалива, боязлива, доверчива, послушная влеченью чувств, девочка несмелая, влюблённая, нежная, бедная и простая, смела, неприступная богиня, величавая*.

Замечено также, что в облике центральных героев поэт наибольшее значение придавал выражению глаз, поэтому их взгляд наделен самыми богатыми и эмоционально насыщенными эпитетами: *быстр и нежен, стыдлив и дерзок, чудно нежен, чудесный, томный, пронзительный, туманный, вечно вдохновенный, зоркий, праздный, милый, угасший, больной, усталый, унылый, веселый, гордый, насмешливый, влюбленный, холодный и суровый*.

Обращение к тексту романа «Евгений Онегин» будет полезным при знакомстве учащихся с особенностями некоторых классических жанров художественной литературы (элегия, ода, мадригал, эпиграмма).

А.С. Пушкин предъявлял предельно высокие требования к результатам своего труда и поэтому с иронией относился к поэтическим произведениям в виде мадригала, считал этот жанр в некоторой степени несерьезным, особенно если это касалось записей в дамских альбомах: «На первом листике встречаешь / *Qu'écritez-vous sur ces tablettes,* / И подпись: *t. à. v. Annette;* / А на последнем прочитаешь: / *«Кто любит более тебя, / Пусть пишет далее меня»* [3, 6, с. 85]. Мадригал и эпиграмма воспринимаются как контекстуальные антонимы: «*И дрожь и злость меня берет / И шевелится эпиграмма / Во глубине моей души, / А мадригалы имитиши!*» [3, 6, с. 86].

Справедливости ради следует отметить, что перу самого А.С. Пушкина также принадлежат достаточно высокохудожественные стихи этого жанра, хотя и не лишённые несколько иронического звучания. Пример тому мадригал «В альбом Сосницкой», написанный еще в лицейские годы:

Вы соединить смогли с холодностью сердечной
Чудесный жар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей [3, 2, с. 114].

В XVIII веке в русской литературе как наиболее характерный вид лирической поэзии дворянства господствующее положение заняла ода с ее возможностями воспевать «высоким штилем» знатных особ и торжественные

события придворной и государственной жизни (В. Тредиаковский, М. Ломоносов, Г. Державин, А. Радищев). Но уже к началу XIX века культурные запросы российского общества усложнились, и в словесном искусстве начал преобладать элегический жанр. В литературе этого времени возник «жанровый» конфликт. Ода возрождалась в эпохальные периоды истории Российского государства, например, в период Отечественной войны 1812 года, однако ее позиции уже были утеряны. А.С. Пушкин осознавал, что его творчество многим связано с литературными течениями XVIII века (элементы лексики, символика, образность, собственный опыт создания оды) и в то же время он является автором «венка элегий», по тональности напоминающих поэзию «унылых рифмачей». А.С. Пушкин находился как бы на переломе двух литературных эпох и не хотел «два века ссорить», но был человеком прогрессивным и, полемизируя со своим оппонентом «строгим критиком» В. Кюхельбекером, в XXXII и XXXIII строфах четвертой главы романа «Евгений Онегин» выступил против «мертвого капитала» в литературе, имея ввиду в первую очередь архаичную оду:

– Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? – Никуда. Куда!
«Пишите оды, господа, <...>» [3, 6, с. 87].

Учебная программа по русской литературе для общеобразовательных учреждений предусматривает знакомство учащихся с основными методами и направлениями. А.С. Пушкин в своем романе не обошел вниманием и этот вопрос. В начале XIX века классицизм постепенно сменяется романтизмом, и А.С. Пушкин уже пародирует одические приемы, завершая заочную дискуссию с приверженцами ранее господствующего литературного направления словами: «Я классицизму отдаю честь, / Хоть поздно, а вступленье есть» [3, 6, с. 99].

Как видим, скрупулезное и целенаправленное прочтение романа в стихах «Евгений Онегин» убеждает, что это произведение А.С. Пушкина содержит в себе богатый дидактический материал для систематизации и углубления знаний учащихся по теории литературы.

Литература

1. Гуковский, Г.А. Изучение литературного произведения в школе: методологические очерки о методике / Г.А. Гуковский. – М.–Л., 1966.
2. Виноградов, В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М., 2000.
3. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1994–1997.